РАЗДЕЛ XII. ФИЛОЛОГИЯ

Буров А.А.¹, Бурова Г.П.²**Речь современной российской молодежи: от жаргонизации – к экологии**¹ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»²Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет»
(Россия, Пятигорск)

doi: 10.18411/lj-10-2018-109

idsp: 000001:lj-10-2018-109

Аннотация

Статья посвящена анализу молодежной речи, которая сегодня действительно очень жаргонизирована. Ортодоксальная борьба за «оздоровление» речи молодежи на базе литературно-кодифицированной нормативности (это тревожит и педагогическое сообщество, и средства массовой информации, и отдельных деятелей культуры и искусства) носит скорее риторический характер. Тем более что некоторые лингвисты-профессионалы предлагают воспринимать ситуацию философски и даже видят в жаргонном «обновлении» некую объективную данность, свидетельствующую о естественном развитии языка Пушкина в новых исторических условиях. Между тем очевидно, что традиционное употребление термин «молодежный жаргон» (он же «молодежный сленг») применительно к речи современной российской молодежи становится слишком узким, а потому и неточным. Представляется актуальным рассматривать жаргонизацию речи молодежи уже на уровне *молодежного языка*, и именно его экологическое состояние является одной из проблемных позиций современной языковой ситуации в России.

Ключевые слова: молодежная речь, языковая картина мира, антропогенный ракурс, кодификация, жаргон, сленг, экология речи.

Антропогенный ракурс современной русской языковой картины мира в последнее время рассматривается в самых различных областях языкознания. Это лингвоперсонология и когниолингвистика, дискурсология и стилистика художественного текста, социолингвистика и экология речи, лингвосинергетика и многие другие направления, так или иначе связанные с исследованием вербализации индивидуально ощущаемого образа действительности [см., например: 1; 3; 4; 8; 13; 14; 15; 16; 17; 19 и др.]. Наша коммуникация во многом определяется человеческим фактором как свободным, естественным и имманентным выбором моделей речевого поведения, соответствующих выражению интенций языковой личности. Однако при этом нередко происходит нарушение динамического равновесия между языковыми нормами, регламентирующими социальные рамки языковой деятельности, и субъективным мировосприятием, формирующим вектор индивидуального речевого поведения. В частности, имеется в виду область молодежной коммуникации.

По справедливому утверждению Ю.Е. Милютина, «современный язык молодежного общения представляет причудливую смесь естественной лексики и ненормативных выражений, своеобразного молодежного сленга и заимствований из жаргонной речи различных маргинальных групп, наконец, популярны иностранные заимствования и в особенности англоязычные заимствования (например, имен, названий фирм, музыкальных ансамблей и пр.)» [11, с. 165]. Сегодня это – феноменальный конгломерат, напоминающий сложную речевую полифонию, в которой

доминирует одно фоновое основание - «остинатный бас» (*basso ostinato*), выражаясь музыковедческой терминологией. Мы имеем в виду *жаргонизацию*, пронизывающую русский молодежный язык начала XXI века на всех уровнях и во всех направлениях и являющуюся самой серьезной альтернативой тому, что принято считать *экологией* речи.

Жаргонизация молодежной речи - объективное, активно развивающееся явление, затрагивающее большинство сфер речевого общения [9], а потому и представляющее собой факт речевой динамики современной языковой картины мира [19, с. 63]. Статический аспект этой картины мира уже неоднократно подвергался лексикографической обработке и описанию [см.12 и др]. Вместе с тем, именно статический, а не динамический ракурс анализа молодежной речи вызывает вопросы при ее анализе.

Так, в наиболее полном словаре современного русского молодежного сленга Т.Г. Никитиной в «общемолодежный жаргон» как особую разновидность языка входят элементы «из речи» авиаторов, арестантов, служащих в армии, аспирантов, воинов-афганцев, туристов-байдарочников, носителей бизнес-сленга и т.д. – таких категорий насчитывается, следуя списку сокращений в словаре, равным счетом 45. Все названные социально-профессиональные категории, судя по всему, имеют непосредственное отношение к нашей современной молодежи и ее речевому поведению. В том числе, к примеру, это не только хиппи, байкеры, студенты, школьники, исполнители брейк-данса и диджеи, но и кришнаиты, проститутки, осужденные, бухгалтеры, моряки, торговцы-индивидуалы и «представители реконструкторского движения (военно-историческая реконструкция и моделирование)» [12, с. 11]. Интересно и то, что лексиконы данных жаргонных подкатегорий молодежного сленга в пространстве словаря как парадигматической – чисто словарной, несинтагматической, текстовой, языковой картины мира статического характера - соседствуют с общеупотребительной и активно используемой лексикой и фразеологией русского языка [12, с. 9 - 12]. Следовательно, уже не просто сленг, он же жаргон, а весь молодежный язык становится неотъемлемой частью русской языковой картины мира, и его трактовки в пределах понятия «жаргон» уже не удовлетворяют ни статическому ее ракурсу, когда молодежный жаргон рассматривается на уровне словаря, ни динамическому [18], когда реализация осуществляется в тексте на уровне молодежно-жаргонного дискурса.

В рассматриваемом словаре [12] отсутствует ряд активно употребляющихся сегодня молодежных жаргонизмов. Так, в нем не представлен часто встречающийся сегодня в молодежном общении сленгизм *OMG* (аббревиатура *англ. Oh My God!*), что предположительно говорит о том, что этот элемент, отражая жаргонно-речевую динамику, начинает употребляться не так давно, уже после выхода в свет названного словаря в 2009 году.

Отсутствие единого подхода к терминологической квалификации неcodифицированной социально-оценочной лексики приводит к значительным трудностям в изучении данных явлений (сравним, например, смешение таких понятий, как «жаргон» и «сленг»). Другая проблема заключается в том, что применительно к молодежной речи нередко приравняются друг к другу терминологические понятия «жаргон» и «язык», и молодежный жаргон понимается как *молодежный язык*, а это далеко не одно и то же.

Что же собой представляет речь современной российской молодежи: язык или жаргон? Динамика языковой картины мира, рассматриваемая в пространстве русского языка начала XXI века, свидетельствует о происходящих изменениях как экстралингвистического, так и интралингвистического характера. «Коллективный импульс говорящих» в определенных условиях коммуникации способен трансформировать «традиционные стилеобразующие факторы» [8]. С одной стороны это меняет наше представление о сложившейся социолингвистической организации

речевого пространства, а с другой - дает возможность предположить возможность новой пространственной стратификации, в частности – с учетом того, что можно назвать процессом активного коммуникативного освоения норм языка – на всех уровнях их проявления, формирования сознательного отношения к ним, овладения активной речью с учетом возрастных этапов жизнедеятельности говорящего индивида и его возрастного «среза». Далее, возникает необходимость задуматься над возможным параллелизмом в историческом развитии языка в целом (этапы нормализации речевого поведения) и аналогичной картиной в речи отдельного носителя – по мере его взросления и изменения социального статуса – как в положительную, так и отрицательную сторону.

В целом, если любое арго, назовем его жаргоном, сленгом или социолектом, - это пласт языка, который загрязняет общение того, кто им пользуется, то молодежная речь - это естественное состояние национального языка, имеющее единственную альтернативу в виде строгой кодификации. Но весь парадокс заключается в том, что говорит на этом языке в основном образованная молодежь, знакомая с нормами литературного языка, однако предпочитающая иной, жаргонизированный, словарь, и иной синтаксис, открытый и раскрепощенный, пусть и вступающий в конфликт с письменной традицией. В большинстве своем исследователи отмечают, что, при всех нарушениях привычного речевого стандарта, употребление жаргонизмов в молодежной речи, когда происходит общение, особой опасности в плане языковой «коррозии» не несет [9], тем более что само жаргонное «заболевание», как правило, постепенно проходит и исчезает из речи по мере взросления носителя языка.

Региональная языковая картина мира отражает общую тенденцию к жаргонизации речи молодежи как естественной «болезни роста». Однако как степень, так и характер – количество и качество – этой жаргонизации в регионе значительно меньше, а также специфичнее, прежде всего – в плане этно-ментальном. Замечено, что чем отдаленней от столичного центра регион, чем сильнее в речи его жителей, в том числе молодых, проявляются народные традиции, те же фольклорные, связанные с реноминированием исчезающих территориальных диалектов, чем активнее там поликультурные языковые связи, - соответственно, тем слабее там проявление жаргонного «заражения» речи российской молодежи. Подтверждением сказанному является ситуация в хорошо знакомом нам регионе Северного Кавказа [10; см. также: 3, с. 323-329].

Действительно, применительно к речевому молодежному общению в современном социуме, урбанизированном на российский манер, маркер «региональный» приобретает позитивную окраску, связанную с сохранением культурно-речевых традиций (в том числе – недавнего советского периода истории), с пуристическим отношением к соблюдению литературных норм, с препятствиями на пути деструкции речевого поведения в виде профилактической работы с молодежью, в том числе - мпероприятий нравственно-этического, воспитательного, порядка, предупреждающих деструкцию речевого поведения. Полиэтническая и территориально-диалектная окраска регионального варианта молодежного языка также становится весьма важным позитивным фактором эколого-речевой стабилизации коммуникации молодых носителей русского языка начала XXI века как представителей постписьменной эпохи интернета. Последняя же, осуществив колоссальный прогрессивный прорыв в область экономии сил и ресурсов коммуникации, ознаменовалась и регрессом, плодя жаргонные девиации и превращая в архаику чтение бумажных книг и создание классического эпистолярия, что, поддерживаемое «тестизацией» по родному языку и литературе на экзаменах в школе, сразу же вызвало

резкое падение общего уровня культуры, в том числе – речевой, и прежде всего в столичной метрополии.

Думается, со временем социальная и экономическая стабилизация России должна способствовать и лингвоэкологическому оздоровлению нашей коммуникации, в том числе и молодежной. Молодежный язык интересен тем, что в нем, в силу известной неопределенности границ, свободы и открытости словоупотребления, словоизменения, словообразования и словосочетания, могут проявиться черты будущего, если говорить о русском национальном языке в целом.

Кроме того, те явления, которые свидетельствуют о жаргонизации, в том числе и на уровне варваризации, засорения молодежного языка иноязычиями и производными от них дериватами, свидетельствуют скорее о языковой игре «со словом» и «в слово», что связано со свойственным молодости стремлением, которое исследователи характеризуют как временное возрастное «самовыражение и самоутверждение» [10]. Подобным образом, безобидным, на первый взгляд, с социальной точки зрения, молодежь стремится встать в оппозицию к тому миру, который в последние десятилетия, в связи с капитализацией общества и с утерей нравственных ценностей советского периода, в том числе и культурно-речевого плана, меняется у нас на глазах – и, к сожалению, далеко не в лучшую сторону.

Современная молодежная речь свидетельствует о том, что, по сути дела, социальное и культурное созревание языковой личности определяется, если пользоваться терминологией В.Г. Костомарова, взаимодействием двух конструктивно-стилевых векторов (КСВ) [Костомаров 2005: 66 и след.], представляющих новую принципиальную для современного русского языка речевую корреляцию – *литературно-книжного КСВ и разговорно-жаргонного КСВ*, и основным пространством их взаимодействия оказывается, естественно, речь молодежи – независимо от социального положения и культурного «контекста» общения носителей языка.

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. – М., 1996. – №3. – С. 32-41.
3. Буров А.А. Когниолингвистические вариации на тему русской языковой картины мира. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. – 361 с.
4. Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации). – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. – 305 с.
5. Буров А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке/ Под ред. проф. К.Э. Штайн. – Ставрополь-Пятигорск: Изд-во СГУ, 2012. – 400 с.
6. Ермакова О.П., Земская Е.А. и др. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX в. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
7. Колесников А. А. Лингвистические особенности языка представителей хип-хоп культуры: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2016. – 158 с.
8. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики. 2005. – 287 с.
9. Иванова Н. С. Молодежный жаргон в лингвокультурологическом освещении. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 22 с.
10. Любичкая Е.В. Сленг: региональные черты и процессы англизации :На материале речи молодежи г. Ставрополя и Красногвардейского района Ставропольского края. Дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2005. – 282 с.
11. Милютин Ю.Е. Размышление о вербальном языке молодежной культуры // Введение в культурологию/ Под ред. Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – С.160-166
12. Никитина Т.Г. Молодежный сленг. Толковый словарь. – М.: Аст-Астрель, 2009. – 1104 с.
13. Пиотровский Р.Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 216 с.
14. Редкозубова Е.А. Сленг в современном коммуникативном пространстве: дискурсивные практики. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2014. – 31 с.

15. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
16. Сосновская А.А. Языковая картина мира носителей «мобильного» жаргона (на материале метафор) // Известия Саратовского ун-та. - 2008. - Т.8. - Сер. Филология. Журналистика. Вып. 2. - С. 20—22.
17. Телия В.Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке/ В.Н. Телия // Сущность, развитие и функции языка. - М.: Наука, 1987. - С.67-75.
18. Чесноков П.В. О двух картинах мира – статической и динамической // Известия СКНЦ ВШ, Общественные науки. - Ростов-на-Дону. - 1989. - № 3. - С. 63-69.
19. Чумак-Жунь И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков. Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – русский язык. - Белгород, 2009. - 407 с.

Маларчук-Прошина У.О., Крапалёва У. Е.

Стилистически сниженная лексика в текстах печатных СМИ

*КФУ ТА имени В. И. Вернадского
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/lj-10-2018-110

idsp: 000001:lj-10-2018-110

Аннотация

В данной статье рассматривается наличие стилистически сниженных единиц в печатных изданиях, обозначается их роль, функции и оценивается лингвоэкологическая безопасность языка.

Ключевые слова: СМИ, сниженная лексика, роль, функции, лингвоэкологическая безопасность языка.

Живая речь обладает исключительным свойством – она всегда экспрессивно окрашена, т.к. передает эмоциональное состояние говорящего. Однако существует достаточное количество ограничений к использованию выразительных слов, так называемых экспрессивов. Так, повествование в строго-научной и официально-деловой речи, особенно в их письменных формах и жанрах, строится с помощью нейтральных слов и выражений, стандартизированных оборотов, общенаучной и специальной терминологии и не приемлет использование экспрессивных единиц и сниженных слов и оборотов. Некоторые ограничения предполагает публичная речь, которая, прежде всего, представлена устными и письменными формами средств массовой информации. Согласно традиционной русской культуре публичная печать и речь требуют сдержанного и умеренного словоупотребления. Тем не менее, в последние десятилетия ситуация несколько изменилась. Люди, работающие со словом (писатели, журналисты, политики и т.д.), решили использовать это слово в качестве оружия и, отбросив привычные нормативные, стилистические и этические ограничения, максимально приблизились к обыденной речи со свойственными ей функциональными особенностями. «Более того, разговорные, а то и сниженные единицы языка стали использоваться даже в деловой и научной речи. Произошло глобальное снижение, массовая «экспрессивация» публичного общения, официальной коммуникации, в которых совсем не редкими стали не только экспрессивы разговорной речи, но даже и прежде невозможные за пределами обыденной речи грубые, бранные, вульгарные речевые единицы» [7, С. 4].

В XXI веке ключевую позицию в языковой культуре стала играть устная публичная речь СМИ, подстроившаяся под многообразие новых форм и жанров. Динамичная, зачастую спонтанная, преимущественно диалогичная, экспрессивная речь стала превалировать в телевизионных и радиопрограммах. Помимо привычных нейтральных и публицистических слов и оборотов в ней стали активно использоваться различные «субстандартные единицы» [7, С. 6], в следствие подхваченные газетно-журнальной публицистикой, также подвергшейся стилистическому снижению и экспрессивному окрашиванию. А так как, зачастую, пресса, телевидение, радио и Интернет являются единственной речевой средой обитания подавляющего большинства населения страны, то именно СМИ принадлежит роль средства формирования